

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

№ 7–8
2020

ЖУРНАЛ

18+

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Журнал «Российский колокол»

Коллектив авторов

Российский колокол № 7-8 2020

«ИП Березина Г.Н.»

2020

Коллектив авторов

Российский колокол № 7-8 2020 / Коллектив авторов — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Журнал «Российский колокол»)

ISBN 978-5-907395-36-7

«Новый номер журнала «Российский колокол» отличается традиционным многообразием. В нём представлены три рода художественной литературы – драматургия, поэзия, проза. Не оставлена без внимания и литературная критика – как на произведения, размещённые в журнале, так и на творчество других авторов. Некоторые имена давно и хорошо известны нашим постоянным читателям, другие писатели делают первые шаги на своём творческом пути, и, возможно, наш журнал позволит вам завязать новые, приятные и интересные литературные знакомства...» Содержит нецензурную брань

ISBN 978-5-907395-36-7

© Коллектив авторов, 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Слово редактора	5
Анастасия Лямина	5
Современная проза	7
Марианна Рейбо	7
Грифельная дощечка	9
Современная поэзия	14
Юлия Мартынцева	14
«Если б слово и ритм были твердь...»	16
«Я говорю ему...»	16
Океан мой	17
Си ти	18
Проще	18
«Улыбайся, когда слёзы рядом...»	19
«Всё во мне говорит ставить точку...»	19
«Три утра на часах, потихоньку светает...»	20
«Точка на белом листе – словно пора...»	21
«Январь мой слякотный, озябший, мокрый...»	21
«Я хочу научиться любить этот город...»	22
«Бывают люди как осколки...»	22
«Её называют жестокой, слепой и грязной...»	23
«Ночь. Снова два. В башне многоэтажной...»	23
«Я прошлась по мирам. Все земные миры...»	24
Литературная гостиная	25
Андрей Крюков	25
Отражение	26
Улица Манделъштама	27
Диккенс	28
На закате	28
Гишпанское	29
Плодородие	30
Тени в раю	30
Пастернак и Съезд	31
Философский пароход	32
Драматургия	35
Надежда Кольшкина	36
Потерянная туфелька, или Конец времён	36
Часть 1	37
Часть 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Российский колокол № 7-8 2020

Слово редактора

Анастасия Лямина

Шеф-редактор журнала «Российский колокол», член Интернационального Союза писателей, журналист

Новый номер журнала «Российский колокол» отличается традиционным многообразием. В нём представлены три рода художественной литературы – драматургия, поэзия, проза. Не оставлена без внимания и литературная критика – как на произведения, размещённые в журнале, так и на творчество других авторов. Некоторые имена давно и хорошо известны нашим постоянным читателям, другие писатели делают первые шаги на своём творческом пути, и, возможно, наш журнал позволит вам завязать новые, приятные и интересные литературные знакомства.

География этих знакомств тоже традиционно разнообразна: в журнале опубликованы стихи и проза представителей многих стран – и не только в привычной рубрике «Литература зарубежья». Вместе с поэтами и писателями можно будет совершить множество интересных литературных путешествий в разные страны и культуры и даже эпохи. Один автор уводит читателей за собой в своё личное прошлое, к ярким и важным воспоминаниям, другой приоткрывает красочную картину, воссоздающую жизнь минувших веков. Но в какое бы путешествие ни звал талантливый рассказчик или поэт – скучать точно не захочется.

Увлекательно будет побывать в старой Англии и Испании, советском времени – далёком и близком, в древней Элладе – средоточии красоты и мудрости, и даже на Олимпе, где греческие боги заняты своими божественными делами, не особо отличающимися от того, чем занимаются смертные.

Такие путешествия, возможно, станут особенно занимательными и ценными в этот нелёгкий и странный год, когда в мир явился коронавирус, перекрывая людям дороги из дома и друг к другу. Поэтому теперь как никогда опасны одиночество и разобщение, нужны впечатления и возможность объединиться.

Вирус тоже не остался без внимания наших авторов, ведь для творческого человека и испытания становятся вдохновением. И нет, никто не нагнетает панику, не впадает в уныние, скорее наоборот. В любом случае интересно посмотреть, как автор видит мир в новых обстоятельствах, себя в нём и многое другое...

Так что смело переворачивайте страницу и – в путь, навстречу приключению под названием чтение.

Современная проза

Марианна Рейбо

Писатель, публицист, кандидат философских наук. Родилась в 1987 году в Москве. Окончила журфак и аспирантуру философского факультета МГУ. Заместитель главного редактора журнала «Наука и религия», главный редактор антологии «Литературная Евразия» и литературного альманаха «Ильф и Петров». Автор двух художественных книг «Письмо с этого света» (2015), «НАНО» (2018).

Публикации в журналах «Зинзивер», «Дети Ра», «Знамя», «Зарубежные записки», «Литературный Иерусалим», газетах «НГ-Exlibris», «Литературная газета», «Литературные известия». Член редколлегии энциклопедии «Писатели русского мира: XXI век». Дипломант литературного фестиваля-конкурса «Русский Гофман», многократный лауреат журнала «Зинзивер» и газеты «Литературные известия», лонг-листер международной премии «Писатель

XXI века». Член Союза журналистов Москвы, Союза писателей XXI века, Международного союза писателей Иерусалима.

Грифельная дощечка

рассказ

Откинувшись на подушки в полумраке одинокой комнаты, я закрываю глаза и снова вижу её. Вижу смуглые колени, мелькающие из-под белизны поддёрнутой юбки, её тонкие шиколотки, игриво рассыпающие брызги у берега мутной реки Тэдонган... Лёгкость и свежесть – вот чем была Юонг. Когда я приходил в её игрушечный домик с тёмной черепичной крышей, она усаживала меня на татами из золотистого тростника и бесшумно раздвигала сёдзи¹, впуская в комнату зелёный шелест летнего сада. Усыпанный цветами куст жасмина, росший возле дома, в тот же миг заполнял собою воздух, и благоуханье нежных лепестков навсегда связалось у меня с трепетом первой любви и горечью первой потери.

Это было без малого семьдесят лет назад. Мой отец, полковник Советской армии, служил на Дальнем Востоке на границе с Китаем. Осенью 1945 года, когда Квантунская армия была разгромлена нашими войсками, а Маньчжурия и Северная Корея – освобождены от японской оккупации, его направили торговым представителем в главный город Страны утренней свежести – Пхеньян. Два года спустя, когда мне исполнилось тринадцать лет, к отцу переехали и мы с матерью. Нас поселили в небольшом особняке, прежде принадлежавшем японскому генералу, а теперь перешедшем в распоряжение советской миссии. После долгих месяцев голода и лишений, пережитых нашей семьёй в дальневосточном Уссурийске, я с особой остротой впитывал открывавшуюся мне южную сказку, полную причудливых запахов и красок. И сегодня словно наяву в лучах закатного солнца встают передо мной изумрудные вершины Алмазных гор, а по мерцающей водной ряби гордыми лебедями проплывают белые лотосы в обрамлении огромных листьев.

Живя при посольстве, мы старались избегать контактов с коренным населением, поскольку знакомства такого рода могли навлечь неприятности, однако я мог свободно общаться с детьми из русскоговорящих корейских семей, недавно переехавших на историческую родину с Дальнего Востока, из Казахстана и других областей. Вместе с ними я начал посещать школу, а когда приблизилось время летних каникул, узнал, что некоторые из моих корейских одноклассников записались в кружок живописи, который недавно открылся в доме старого местного художника. Поскольку у меня было врождённое стремление к рисованию, я загорелся желанием посещать эти занятия, и после непродолжительных препирательств отец отвёл меня в серую фанзу² с маленьким изящным садом. Учитель рисования, сухонький старичок в белых одеждах и чёрной волосистой шапочке, почти не говорил по-русски, но блестящие угольки его глаз, казалось, видели тебя насквозь и без слов. Слегка поклонившись моему отцу в знак приветствия, он оглядел меня с ног до головы, улыбнулся и, задумчиво погладив реденькую седую бородку жестом пригласил пройти в дом.

Сняв у порога обувь, я прошёл в комнату где полдюжину учеников, сидя на татами, сосредоточенно рисовали цветными мелками на грифельных дощечках. Тот день стал для меня первым из многих счастливых дней, которые я провёл за рисованием в этом благословенном доме. Чтобы дать простор нашему воображению, учитель раздвигал пергаментные сёдзи на передней стене, расстилая перед нами лоскутное одеяло таинственного Востока. Ломаные изгибы карликовой сосны возле фасолины бетонного бассейна, розовое кружево цветущего миндаля,

¹ Оклеенные пергаментом стальные рамы из лёгких деревянных планок, заменяющие окна в традиционных жилищах азиатских стран.

² Традиционное восточное жилище.

размытые очертания холмов в голубоватой дымке горизонта – всё это, проходя сквозь душу, рождалось вновь под кропотливыми пальцами юных художников.

В один из дней, в который раз рисуя сад учителя, я оторвал взгляд от грифельной доски и вдруг увидел белого мотылька, летящего по извилистой дорожке прямо мне навстречу. Помахивая синей матерчатой сумкой, мотылёк вприпрыжку приближался к дому, отдавая на забаву ветру шёлковые ленты короткой кофточки и разметававшиеся по плечам блестящие чёрные косы. В Корею я каждый день видел грациозных черногривых девиц в белых одеждах, несших в больших кувшинах колодезную воду или выбиравших на рынке свежую рыбу. Но тут впервые что-то неведомое, как штормовая волна, накатило на меня, и, оглушённый порывом, я одним махом стёр с доски начатый было эскиз. На миг зажмурившись, чтобы остановить мгновение, я в несколько штрихов набросал струящуюся с неба каменистую дорогу и летящий по ней силуэт незнакомки. Склонившись у меня над плечом, учитель одобрительно кивнул, властной рукой забрал мою дощечку и поставил её на полку инкрустированного перламутром шкафа.

Изо дня в день начал я выжидать появления своего мотылька, приходя раньше других учеников и ища возможность как можно дольше задержаться. И действительно, вскоре я вновь увидел её, а потом ещё и ещё. Не решаясь подойти, я издали следил за нею, играющей в саду или гуляющей по набережной Тэдонган, и втайне молился, чтобы кто-нибудь напал на неё, а я бы её спас, или чтобы она упала в свинцовые воды реки, а я нырнул бы следом и вытащил её на берег.

Как-то раз, ведомый страстью, я крался следом за дамой своего сердца вдоль торговых рядов, мастерски прячась за ширмой лавок, предлагавших многообразие душистых пряностей и благовоний, орехов и фруктов, статуэток Будды и украшений. Остановившись у прилавка с морепродуктами, девочка купила кулёк сушёных кальмаров и начала жевать их прямо на ходу, подобно тому, как наши школьники жуют конфеты или тянучки, спеша перебить аппетит перед обедом. Ни на минуту не упуская её из виду я пересёк рынок и проследовал за ней до фонтанчика, освежавшего раскалившийся от солнца воздух звенящими водяными струями. Девочка присела на край фонтана, положила синюю сумку себе на колени и, неожиданно обернувшись в мою сторону, пустила мне в глаза солнечного зайчика, отскочившего от медной поверхности браслета на её запястье.

– Зачем ты всюду за мной таскаешься? – спросила она строго на чистом русском языке, без улыбки глядя на мою нелепую, заледеневшую от ужаса фигуру.

– Аннен Хасимникка³! – только и смог выдать я из себя, мечтая сейчас же, немедленно провалиться сквозь землю.

При виде моего отчаянного положения незнакомка не удержалась, и смех задрожал на её губах, рисуя на щеках две симпатичные ямочки.

– Меня зовут Юонг, Ким Юонг. – Она смело протянула мне свою тонкую ручку ладонью вверх. – Я знаю, ты ходишь на уроки рисования к моему дедушке.

Так начались наши тайные встречи. После занятий, делая вид, что собираюсь уходить, я тихо прокрадывался в комнату Юонг или же вечерами, сбежав из дома, с замиранием сердца ждал её у калитки сада, и мы шли гулять под звёздами на опустевшую набережную. Нигде и никогда больше я не видел таких звёзд. Они казались огромными, и благодаря малой освещённости улицы можно было в мельчайших подробностях разглядеть всю звёздную карту и серебристую дорожку Млечного Пути. В одну из таких прогулок Юонг рассказала, что в Пхеньяне она живёт немногим дольше меня, а до этого они с отцом жили на северо-востоке Китая, в Харбине. Отсюда и её виртуозное владение русским языком, ведь после Октябрьской революции Харбин стал прибежищем для многих семей белогвардейцев и к моменту появления Юонг на свет был практически русским городом.

³ *Корейское приветствие.*

- А твоя мама? – осторожно спросил я, терзаемый нехорошим предчувствием.
– Мама... Мамы нет. Я... Я убила её.

Девочка подняла глаза к небу и с силой закусила губу, чтобы не заплакать. Оказалось, двумя годами ранее Юонг заболела туберкулёзом лёгких. Её мать, не смыкавшая глаз над постелью больной, тогда чудом выходила её, но сама заразилась и умерла. Потому-то, после того как в августе сорок пятого Харбин заняла наша Дальневосточная армия, отец Юонг, наслышанный о частых рецидивах туберкулёза, получил разрешение отправить дочь в Корею к деду – в более подходящий климат, а главное – подальше от тяжёлых воспоминаний.

– Мы, корейцы, верим, что душа умершего покидает этот мир только после смены четырёх поколений, – продолжала рассказ Юонг, – а потому я знаю, что моя мама по-прежнему рядом со мной.

Она задумчиво, как-то по-особенному заглянула в моё посуровевшее от бремени её слов лицо и, выдержав паузу, добавила:

- И если я умру первой, я тоже всегда буду рядом с тобой.
– Замолчи!

Меня вдруг обуяла злость. Отпрянув от своей спутницы, я вынул из кармана перочинный ножик, который по привычке всюду носил с собой, и с силой запустил его в раскидистое дерево гинкго билоба, росшее посреди аккуратной зелёной полянки.

– Я тебя разозлила?

Она осторожно тронула меня за плечо, но я с раздражением скинул её руку.

– Нет. Просто пора домой.

Я выдернул нож из древесной раны и ускорил шаг. Я чувствовал, что Юонг слегка оробела, но старалась идти со мною в ногу.

– Не сердись! Дай ножик. Ну дай.

Пожав плечами, я остановился и протянул ей своё холодное оружие. Потрогав остриё и убедившись, что оно заточено, Юонг ловкими пальцами начала расплетать свою роскошную косу и, отделив одну прядь, чиркнула по ней лезвием. Затем она вложила отрезанный локон мне в руку.

- Держи. На память.
– Вот ещё глупости!

Я сварливо сморщился, но незаметно сунул шелковистую чёрную прядь в карман вместе с ножиком. Около дома Юонг мы скомканно попрощались. В ту ночь мне снились плохие сны.

Мои родители лишь вздыхали и разводили руками – в то лето я стал совсем неуправляемым: целыми днями где-то пропадал, не заходил домой даже пообедать, а вместо этого улепестал в гостях у Юонг изумительную квашеную капусту кимчи с острым привкусом моллюсков. Если же голод заставлял нас в круговерти городских улочек, мы перекусывали сладким бататом⁴, который корейки готовили на жаровнях в широких плоских корзинах, стоявших на полотняных валиках прямо у них на голове. Юонг выбирала бататы поподжаристей, почти обугленные. Я смеялся, глядя на её перепачканные в золе губы, и она весело заливалась в ответ, сверкая жемчужными зубками и чёрным миндалём раскосых глаз. И всё же нам пришлось расстаться – ненадолго, всего на неделю, родители увезли меня из города.

Когда я вернулся, в Пхеньяне бушевал тайфун. И днём и ночью растерзанное небо сыпало молнии, земля утопала под ливнем, так что невозможно было выйти из дома, и я не видел Юонг, не знал, что с нею. К концу третьего дня я не выдержал и, скача под ледяными струями как заяц, мокрый до нитки добежал до дома учителя. Что-то страшное распирало грудь, не давая нормально дышать. Я толкнул калитку. Залитый лужами сад казался тусклым и осиротевшим. Побитые ливнем цветы на кустах опустили головки, вода в бассейне помутнела,

⁴ Сладкий картофель.

не слышно было щебетанья птиц. Сёдзи были плотно сомкнуты, сколько я ни звал, никто не открыл мне – дом стоял пустой.

Предчувствия не обманули меня. Вскоре я узнал, что Юонг увезли в больницу с открытой формой туберкулёза. Новостей не было долго, пока наконец однажды вечером в серой фанзе не загорелся свет. Всё моё нутро кричало, что нужно скорее бежать туда, узнать, что с Юонг, но предательские ноги отказывались идти, парализованные страхом. Тогда я упросил отца сходить и узнать, как обстоят дела. Отец вернулся хмурый. Он долго чиркал спичкой, закуривая сигарету, потом, глядя куда-то в угол, приблизился и опустил ладонь мне на плечо:

– Её домой привезли. Плохо дело, брат.

Услышав его слова, мать охнула и прикрыла лицо руками, потом подошла ко мне, желая обнять, но я вырвался и побежал прочь из дома.

Очень резко, как в лупу, я видел в темноте каждый камень на дороге, каждую ветку пронесившихся мимо деревьев. Сёдзи в комнатке Юонг были по-прежнему плотно сомкнуты. Я глотнул воздуха и, раздвинув щель, пролез внутрь. Она лежала на татами, плотно закутанная в одеяло, чёрным воронёнком утопая в подушке. Опустившись на пол возле, я не мигая смотрел в её запрокинутое мертвенное лицо. Вдруг она пошевелилась и открыла глаза.

– Я знаю, что ты здесь, я не сплю. Я притворилась, чтобы дедушка пошёл отдохнуть немного.

Она постаралась улыбнуться и слегка приподнялась на подушках.

Я по-прежнему молчал, не зная, что сказать.

– Пожалуйста, раздвинь сёдзи, мне душно. Я хочу видеть небо.

Я раздвинул деревянные рамы во всю ширь, и южная ночь, мерцающая серебром небосвода, вошла в комнату.

– Да-да, вот так хорошо...

Юонг с наслаждением втянула грудью воздух, но тут же закашлялась и упала обратно на подушку. Я кинулся было к ней, но она жестом остановила меня:

– Нет, не надо, всё хорошо! Мне лучше, гораздо лучше. Оставайся там, не подходи.

Но я не послушал и снова прильнул к её изголовью. Осторожно коснувшись губами иставшей щёчки Юонг, я почувствовал, как она горит.

– Ты поправишься, обязательно поправишься! – зашептал я как в дурмане, опустив голову рядом с ней на подушку. – Ночной воздух вылечит тебя. Тебе ведь лучше?

– Да-да, мне гораздо лучше!

С холодеющим сердцем я разглядывал в темноте пятнышки крови на краю белого одеяла и в бессилии сжимал в ладонях её руку, когда её вновь начинали бить долгие приступы кашля.

К утру Юонг не стало.

На ватных ногах покидая дом учителя, я снял с полки лакового шкафа грифельную дощечку и сунул за пазуху. Тонкая девочка с синей матерчатой сумкой на плече летела по извилистой дороге куда-то вперёд, в пустоту...

Не оглядываясь, я уходил прочь, твёрдо уверенный, что больше ничего в моей жизни не будет.

Вскоре отец вместе с армией покинул Пхеньян, а мы с матерью остались там ещё на три года. По воле рока нам пришлось стать очевидцами ковровой бомбардировки города американцами. Сидя в окопе вместе с местными жителями и пытаюсь прикрыть собою мать, я слушал, как стонет земля под бомбами, с грохотом несшимися с высоты шесть тысяч метров. Тройки самолётов В-29, прозванных «Летающей крепостью», кружили над городом, превращая его в горящие руины. Словно свечи, один за другим вспыхивали корейские домики. Из огня вырывались женщины с обезумевшими глазами, волоча на подолах рыдающих от ужаса детей. Одна из бомб накрыла и серую фанзу учителя, оставив вместо дома и сада дымящуюся

чёрную воронку. Когда я узнал об этом, то в душе невольно порадовался, что добрый старик этого уже не увидел.

Вернувшись в Союз, я поступил в институт и стал профессиональным художником. Призвание не обмануло меня, отмерив немало счастливых творческих лет. Сейчас мне за восемьдесят, и вечерами я люблю перелистывать старые фотоальбомы, хранящие память о многих встречах и поездках, которые мне подарила судьба. Но в Пхеньяне я больше ни разу не был. Не тянет меня в этот город, отгородившийся от мира, обросший бетонными коробками и ставший неотличимым от сотен других городов. Но ушедший Пхеньян всегда со мной. Он свернулся чёрным, потускневшим от времени локоном в серебряном медальоне, рядом с портретом матери. Он смотрит на меня с запывшейся грифельной дощечки и, прорывая завесу лет, летит белым девичьим силуэтом по извилистой дороге моей жизни...

Современная поэзия

Юлия Мартынцева

Юлия Петровна Мартынцева – поэт, писатель, член Союза писателей России (Москва) – МГО СПР с 2007 года, выпускница ВЛК Литинститута им. А. М. Горького (класс В. В. Сорокина), автор книги стихов «Рябиновый свет», публикаций стихов и прозы в сборниках и периодических изданиях, таких как: «Оранжевая книга», «Знак ответа», «Клад», «Поэзия», «Московский Парнас», «ЛитЭра», «Литературная газета», «Дети Ра», «Отчее слово», «Меценат и мир», ряда подарочных изданий («Тарусские страницы XXI век», «Рязань, я люблю тебя»), автор критических и литературоведческих статей, в частности «Цвет и звук в именах героев романа Ивана Ефремова», переводов произведений иностранных поэтов, стихов на английском языке.

В данное время работает над циклом романов о Варя, из них закончен один – «Варя. Хаос». Буктрейлер по Варя можно найти в Instagram по хештегу #варя_буктрейлер.

Ведёт семинары по писательскому мастерству.

«Если б слово и ритм были твердь...»

Если б слово и ритм были твердь...
Долго думаешь. Просто ответь.
Знаешь, короток век человечесий.
Если б слово и ритм были твердь,
Я б смогла тебя увековечить.

Бытовые слова, как грехи,
Тянут вниз: тяжелы узы, прочны.
Отмолить могут только стихи,
Потому что они непорочны.

Ты, пока на ногах, поспеши:
Всем, кто перерождён человеком,
Приглашенье на танец души
Ограничено – жизненным веком.

И не то чтобы я так хочу...
Просто дали такую задачу.
Передай, говорят, как свечу,
Слово дальше, пока что-то значит.

Я ведь тоже копчу. И пыхчу.
И рыдаю, бывает, в подушку.
Наклоняется ангел к плечу
И целует, как в детстве, в макушку.

Говорит: «Всё пройдёт, не спеши,
В суете божий дар умирает.
Ты пиши. Слушай ритм и пиши.
Послушание не выбирают».

Ну а я повторяю вопрос:
Ты нашёл себя? Хоть понемногу?
Через столько путей себя нёс,
Что обратно не помнишь дорогу?

Долго думаешь. Сердцем ответь.
Слишком уж дорожим мы умами!
Если б слово и ритм были твердь,
Мы б себя заковали в них сами.

«Я говорю ему...»

Я говорю ему:
«Что со мною, не знаю:
То улетаю, творю,
То нагнетаю,
Слово горит пламенем сине-красным,
Срывается с губ,
Режет душу, как масло,
Жжёт мне язык сталью, как ядом».
Он отвечает:
«Время пришло,
Так надо».
Я говорю ему:
«Я в пути спотыкаюсь,
Скатываюсь,
Сползаю,
В кровь разбиваю колени.
Может, я зря стараюсь?»
Он говорит:
«Это твои ступени».
Я говорю:
«Голос мой льдист и тонок,
Громко не спеть,
А тихо никто не слышит.
Выйду на сцену –
чувствую себя лишней.
Лучше забыть, молча стирать пелёнки».
Он говорит:
«Шёпот бывает громкий.
Космос вообще мало кто слышит,
А он шумит,
В сердцебиенье
Дышит...»

Океан мой

Десять тысяч шагов под водой – что лье,
А как вынырнешь – всё та же сушь.
Океан мой, рукавам наших рек судьба обмелеть,
Если сохнут источники наших душ.

Я, как бедуин в пустыне, всё жду дождя,
Но земная участь всегда обман.
«Принесите в жертву жену вождя!»
Десять тысяч лет... и один шаман.

О фонтан, о чудо, Бахчисарай!
О, сады цветут, о, бутоны роз...

Это рай, конечно же, это рай.
На десяти тысячах женских слёз...

Океан мой, скажи, ты, как прежде, жив?
Я твоя единственная луна?
Подо льдом не видно: прилив, отлив
Или комом вымерзло всё до дна?

Десять тысяч слов как в полубреду...
Волны вод и соли мешают спать.
И, закрыв глаза, я по дну иду
Всё вперёд... Но только, похоже, вспять.

Си ти

Этот город не спит. Он текуч, как вода.
Этот город не сможет застыть никогда.
На зелёной волне мимо улиц пустых
Я лечу, ты летишь, и асфальт мостовых
Бесконечную лентой нам стелется вслед...
Кроме звука у нас ничего в прошлом нет.
Кроме шороха шин что нас ждёт впереди?
Только сердца сейчас тарантелла в груди.
Башни Сити мелькают, смеёшься – экстрим:
Ощущать этот ток, этот пульс, этот ритм,
Выжимать из мотора почти страстный стон,
Наблюдая, как искры ласкают бетон.
И прорваться сквозь ночь, выпадая росой!
По Тараса Шевченко гуляя босой,
По перилам съезжая, как в алчную пасть,
Не боясь ни воды, ни огня, ни пропасть,
Растворяясь во тьме, возрождаясь в рассвет,
Заглушить. Замереть.
Зачеркнуть.

Звука нет.

Проце

«Знаешь, жить ведь достаточно просто, –
Ты сказал. – Отпускать, не читая по лицам,
Притуплять всё, что было достаточно острым...»
Не зализывать раны, листая чужие страницы.

Прижиматься, зажав: не давая себя без остатка,

И, конечно, держать в тишине всё, что снится.
Принимая, довольно глубокой быть для достатка
И, как любишь, фарфоровой. Но не разбиться.

Оставлять далеко позади перетолки,
А под сутолоку дней заметать пересуды.
И тогда шансы есть оказаться на полке
На твоей. Для коллекционной посуды.

Проще некуда. Только зачем мне так «просто»?
Видно, где-то при обжиге передержали:
За стеклом слишком тесно, и хочется неба для роста,
И сосуд превратился в седые скрижали.

«Улыбайся, когда слёзы рядом...»

Улыбайся, когда слёзы рядом,
Под лучами ламп и софитов,
Улыбайся. Пусть сердце разбито,
И губами, и телом, и взглядом
Улыбайся – мир любит маски,
Миру эта улыбка знакома...
Пусть никто не уйдёт не обласкан,
А поплакать ты сможешь дома.
Разучилась плакать? Не страшно.
Слёз солёных зачем вкус едкий?
Будь послушной принцессой в башне,
Самой певчей из птичек в клетке.

«Всё во мне говорит ставить точку...»

Всё во мне говорит ставить точку.
Это правильный шаг.
Но внутри
Ощущение, словно режу себя по кусочку,
Но... Гори, белый флаг!
Чтоб не сдать на милость...
Гори!

Что само проросло, надо выдернуть с корнем:
Мой розарий – сорняк, лес из острых шипов.
А внутри
Издательский голос – ты классику вспомни:
«Если много страдаешь, конечно же, это любовь».

Тянет жилы, рвёт душу на мелкие части?
Значит, станет ещё совершенней душа.
Кто сказал, что сюда мы приходим для счастья?
Тот, кто точкой пытается что-то решать.

Точка – это дыра. Лучше буквы и ноты.
Заполнять пустоту можно только добром,
А иначе природа сама заполняет пустоты,
Даже если дыра у тебя под ребром.

И тогда лучше жить, прогорев, как комета,
Чем не жить, но сполна ощутить, как ты чист.

...И я ставлю проклятую точку.
Но до рассвета
Разорву
разрисованный
точками
лист.

«Три утра на часах, потихоньку светает...»

Три утра на часах, потихоньку светает:
Эта странная ночь по-июньскому коротка.
Темнота отпускает, как чёрный пион, отцветает.
Что со мною останется пеплом? Строка.

Не удержишь рассвет. Солнце встанет,
Хоть молись задержаться, хоть плачь, хоть стражай.
И уйдёт тот, кто должен. Кого ангел манит.
Не удержишь. Успеть прокричать бы: «Прощай».

Мы беспечные, сильные. Непобедимы.
В личном мире и Бог себе каждый, и даже пророк.
До тех пор, пока сами и близкие нам – невредимы,
До тех пор, пока нет перекрёстка дорог.

Распланировав жизнь, ждём бесспорной отдачи,
Завтра, отпуска, шанса, любви, Новый год.
Забывая о том, что, возможно, всё будет иначе,
Лишь одно постоянно: закат и восход.

И единственно мудрое: переключиться
За секунду, за миг, за мгновенье – на вдох...
До того, что случится. А может, ещё не случится.
В тишину, где душе улыбается Бог.

«Точка на белом листе – словно пора...»

Точка на белом листе – словно пора,
Через которую больше не слышно дыхания.
Точка в сети, а за нею мерцанье курсора –
Воздуха нет. В тишине только смех мироздания.

Знаешь, я раньше боялась тех белых листов,
Что застилают глаза, предлагая надежду.
Рiх называют по-разному: кто-то – любовь,
Кто-то – истерика. Правда, как водится, между.

Может, я стала взрослей (зачеркну «или старой»),
Может, мудрей (зачеркну «или едко циничной»),
Только теперь чистый лист называю я Марой:
Что не проявлено, властвует в нас безгранично.

Можно отбросить его, обозвав белым прахом,
Можно повесить на стену, чтобы молиться.
Суть же одна: чтоб встречаться со страхом,
Нужно сначала ему покориться.

В чистом листе есть своё уникальное знание,
Что бы для нас пустота его ни означала,
Точка на нём – только точка в конечном сознании:
То, что конец – это новое имя начала.

«Январь мой слякотный, озябший, мокрый...»

Январь мой слякотный, озябший, мокрый,
Снег то придёт, то утечёт опять,
И стылый ветер дребезжит по окнам,
То плюс, то минус – как тут не устать!
А город дышит: смогом с облаками,
Пролитым маслом, солью на ногах.
А город слышит... камнем. И веками
Мечтает замком стать на облаках.
Живущие его не замечают.
Ушедшие кивают: «Се ля ви!»
И город опускается, дичает,
Асфальтом улиц просит о любви.
Вот почему асфальт наш полон трещин!
И каждый вечер я в душе молю,
Молю мужчин, но больше даже женщин:
Скажите городу: «И я тебя люблю...»

«Я хочу научиться любить этот город...»

Я хочу научиться любить этот город
Через слякоть и вой сквозняков,
Чтобы город служил мне надёжной опорой,
Даже если набью синяков.

Даже если заплачу, в глазах потеряюсь,
Он зажёт бы мне все фонари,
Вывел ближе к метро и сказал: «Извиняюсь!
Вот, кондитерской слёзы утри».

Чтобы город меня принимал в лоно улиц,
Принимал всю, такую как есть.
Чтобы вдохам, с его атмосферой целуюсь,
Он шептал: «Как я рад, что ты здесь».

Мне по сердцу пришлась бы такая взаимность,
Ведь для этого мы рождены –
Научиться менять просто гостеприимность
На уют к тем, в кого влюблены.

«Бывают люди как осколки...»

Бывают люди как осколки:
Без боли рядом не пройдёшь,
Слова их резки, чувства колки,
А в жестах дрожь.
Обрежут взглядом, не заметив,
Лицо бесстрастное на вид...
Внутри же плачут, словно дети,
Почти навзрыд.

И ты... Бывает, шутишь жёстко,
Обидно. Впрочем, не виню:
Когда твоя душа из воска,
Не стоит подходить к огню.
Огонь дробится в острых гранях,
Их есть возможность опалить...
И вероятность то, что ранит,
Обратно воедино слить...

«Её называют жестокой, слепой и грязной...»

Её называют жестокой, слепой и грязной,
Суют её в клетки, загоны, засовы, тиски.
Её заставляют мучиться от тоски
И признают ненужной и несуразной.

Её проверяют на истинность и ГМО,
Ей то стелют в хоромы, а то на нарах.
Ей выжигают номер порядковый или клеймо,
Ей то кричат – малолетка, то – перестарок.

Она же молча сносит любую боль,
Любой каприз, причуду, порок и фетиш,
Покорно следуя след в след за тобой,
Пока наконец ты её заметишь.

Но стоит остаться с ней один на один,
Сплетни и слухи уже ничего не стоят:
Ты ей и раб, и равный, и господин,
Шепчешь в слезах имя её святое:
Любовь...

«Ночь. Снова два. В башне многоэтажной...»

Ночь. Снова два. В башне многоэтажной,
Словно в гнезде, где полёт только вниз,
Лбом опираюсь о взгляд эпатажный
В жалящих стрелах чёрных ресниц.
Город несётся током по венам,
Красным потоком машин, стоп-огней.
Хочется чувственно, о сокровенном,
Петь и играть о любви и на ней...
Но я молчу, вновь в плену поцелуя.
Лечь и истечь бессловесной мольбой:
Будь, огради, защити, я ревную
К дому, где ты остаёшься собой.
Руки твои могут только присниться,
Пальцы ласкают экран, а не плоть –
Там, по ту сторону, Бог многолицый,
Там – твоя сущность. Не перебороть.
Не одолеть. Ни молитва, ни свечи...
Яд поцелуев день ото дня
С каждым мгновеньем всё больше калечит
И забирает всё больше меня.

«Я прошла по мирам. Все земные миры...»

Я прошла по мирам. Все земные миры,
Ввысь и вверх, там, где дэвы и боги,
Вниз, где демоны. Не осталось дыры,
Где бы я не обила пороги.
Я искала тебя. Среди тысячи лиц,
Среди крыльев, фигур, силуэтов,
Среди запахов амбры и пения птиц,
Как шальная кричала: «Где ты?»
Я так долго в пути. Через круг, за зимой,
Вдаль брела в тишине предрешённой.
И теперь я вернулась обратно домой –
Одинокой и опустошённой.
Все, кого повстречала в сиянии дня,
Все, кто встретил меня в цвете ночи,
Все одним лишь вопросом пытали меня:
«И кого же найти ты хочешь?»
Я смотрела на них, отвечая: «Того,
Кто как я. Мы разбились на части.
Я в одном из миров потеряла его.
С ним – себя. И единство. И счастье».
В их глазах отзывалось: «Ей не найти.
Воплощённым лишь можно присниться».
Вслух они говорили: «Удачи в пути.
Это трудно – обратно слиться».
Годы поисков шли, но была я сильней
И искала настырней, чем прежде:
На земле, под землёй, под водой и над ней...
Но теперь потеряла надежду.
Почему тебя нет? Как же так: тебя нет?
Я прошла все миры шаг за шагом.
И в какой-то момент словно вспышка – ответ:
Кто обрёл себя, станет магом.
И пока я искала, страдая, любя,
Примеряла чужие лекала,
В отражении глаз обретала себя.
Ту, которую так искала.

Литературная гостиная

Андрей Крюков

Андрей Витальевич Крюков родился и живёт в Москве. Образование: Московский институт управления им. С. Орджоникидзе. Кандидат технических наук. Публикации стихов в журналах «Новая Юность», «Соло», «Москва», «Нижний Новгород», еженедельнике «Поэтоград». Лауреат юбилейного литературного конкурса журнала «Москва» (2018) и поэтического конкурса «Фонарь-2019». Финалист премии «Поэт года – 2019». Автор сборника «Открытый слог».

Отражение

Небо плачет, а сердцу отрадно –
Смыт грозой последний обман:

Над ажурной стеной виноградной
Свесил клочья озёрный туман,
Вдоль дорожек упрямой протокой
Уплывают цветочные сны,
Друг на друга глядят с поволокой
Две открытые ветру сосны...
Почему мне так радостны эти
Хороводы рябин над ручьём?
Кувыркаются листья, как дети
За тугим непослушным мячом.
Так под вечер среди разговора
Вдруг захочется дверь распахнуть
И с промокшего вдрызг косогора
За мятежной листвой упорхнуть.
Так зачем же мне эти оковы?
Я из воздуха весь, из зари,
Только маюсь в толпе бестолково
С неуместным мерцаньем внутри.

Улица Мандельштама

Бережно развернуть, обнять, не ронять, не бить,
Не нагревать, не мочить, ставить на ровную плоскость,
Вечером прикрывать, утром давать попить,
В полдень позволить выпустить пару отростков...
Приторно? Бесовщинки бы? Вспомним способ второй:
Резать, крушить до последнего позвонка и зуба,
Сильно трясти, топить, сажать в каземат сырой,
Воздух выкачивать вон из стеклянного куба –
Что же в остатке выжмешь? Чью-то хрупкую жизнь.
Тенишевка, вернисажи, колбы, библиотека,
Амфитеатр, балюстрады, мрамор и витражи –
Жизнь реалиста-еврея начала бурного века.
Вот он как тень скользит, не тронь его, расступись,
Маленький чистокровка, без примесей и оттенков,
Улицу в честь такого не назовут, разве только тупик,
Короткий, как коридор в ЧК – сорок шагов и стенка.
Первый способ к тому же сбой даёт, увы:
Множатся казнокрады и любители халявной халвы,
Сквозь безымянную ночь в пролёты холодной Москвы
Несут их железные кони куда-то от знака до знака
Набережной Ахматовой, площадью Пастернака.
А вот на этой улочке ни выезда нет, ни въезда,
Словно её проектировал какой-то бездарь.
По ней хорошо гулять под дождём туда и обратно –
Тихо, безлюдно, бесцельно и совершенно бесплатно.

Диккенс

Полдень. В цилиндрах поношенных клерки снуют старательно.
Хлюпя стёртой калошей, Диккенс спешит к издателям,
Темза, в флажки разодетая, гнётся под канатоходцами,
Цирк завлекает атлетами, гарпиями и уродцами,
Колокол в Блумсбери цокает, в такт мерно сыплет мельница,
Кровь, поднимаясь над стоками, у скотобойни пенится,
В окнах над лавками модными тени портних надрывисты,
Диккенс глазами холодными ищет знакомую вывеску.
Там, в кабинете, напичканном стопками густо исписанными,
Ждут продолжения Пиквика два джентльмена с залысынами.
Что за герой сомнительный, из-за кого стал фатумом
Тот разговор решительный автора с иллюстратором?
Сеймур в саду стреляется, проку не видя в будущем,
Диккенс в неведенье мается: Пиквик, ты – чудо иль чудище?
Смех в типографии (сплетни ли?), рады мальчишки-рассыльные,
Книжки роняя на лестницы и мостовые пыльные,
Сходит на головы бедные с горних высот разверзнутых
То ли манна небесная, то ли пепел отвергнутых –
Диккенс порвал с повседневностью, ходит франтом надушенным,
Юмор – спасенье от ревности, алчности и бездушия.

На закате

Закат погружает весь мир в душноватый вельвет,
За дальним кордоном сверкает слепое предгрозье,
Прикроешь глаза – и сирень потеряет свой цвет,
Откроешь – опять салютуют лиловые гроздья.
Пока ты не спишь, ты как будто от бурь защищен,
Лежишь под покровом бездонного лунного свода,
В окне млечный сумрак зарницами перекрещён,
Их блики вокруг люстры вихрятся клубком хоровода.
Ход жизни вращением этим застигнут врасплох –
Сорвалось с цепей всё, что стыло на вечном приколе,
И мир, что от вспышек разрядов ослеп и оглох,
Из клетки дневной улизнув, развернулся на воле.
Не пол подо мной, а всходящая лесом трава,
Не рамки на стенах, а жалом разящие клумбы.
Гляди-ка, в углу будто мальчик с глазищами льва –
Он шкаф перепутал впотьмах с прикроватною тумбой.
Да это же я! Заблудился в превратностях сна,
Меня увлекают в пучину кораллов изгибы,
И эта рука... как всегда что-то знает она,
О чём догадаться вначале мы вряд ли могли бы.

Я крался к часам, я почти дотянулся до них,
Пока они, стрелки сложив, как крыла вилохвостки,
К портрету прижались, забыв в этих играх ночных
О тике и таке и скрипе почтовой повозки.
Все краски погасли, наевшись служить колдовству,
Их истинный смысл – лицедейство в картонных чертогах,
Едва ли замечен, спешу завернуться в листву
И там навсегда позабыть о счетах и итогах.
Задуты все свечи – в том мире не знают свечей,
Там щупают лица, когда шелестят о погоде,
Беззвучно мыча, забывают обрывки речей,
Из небытия возрождаясь в бесплотной зиготе.
Прогнать этот морок, пока не привыкли глаза,
Иначе их выест летящая с облака пудра,
На траверзе гаснет в последних поклонах гроза...
Скорей приходи, долгожданное бледное утро!

Гишпанское

Весь я в чём-то испанском!

Игорь Северянин

В День святых ты мне приснилась в юбке красной:
Будто шёл с тобой в толпе после обеда,
Восхищаясь, без намёка на харассмент,
Белой блузкой, привезённой из Овьедо.
Поднимаясь по скрипучей эскалере,
Целовались мы на каждом повороте,
Ты мечтала о французской о Ривьере,
Я же звал тебя слетать на Лансароте...
Точно херес, бродит кровь, клокочет в венах,
В тесной клетке кастаньетит сердце гулко,
Гаудийно изогнули шеи стены –
Это ты идёшь ко мне по переулку.
Мы раскроем шире окна, снимем ставни,
Разомлевшие, как устрицы на блюде,
В наших позах – тень Гала в истоме давней,
Наплевать, что нам назавтра скажут люди.
Что за ранний Альмодовар, скажут, хлопец,
Среди ёлок, передвижников и снега?
Перед сном ты перечитывал де Лопе
Иль под утро в чуткий сон вмешалась Вега?..
Пусть свирепствуют снега и злые хвори,
Как в капкан, попался месяц в хамонеру,
Но я всё-таки пойду в испанский дворик,
Эспанаду закажу под хабанеру.
Как берёзе не сдружиться с юбкой алой?

Так и песню не сложить без матадора –
В наших княжествах бандерасов немало –
Отмарьячат вам по самое негоро.
Но зато у нас последние изгои
Не изглоданы кострами инквизиций,
Нам гоняться ли за призраками Гойи?
Обойдёмся мы без вашей заграницы.
Зимних дней сойдут последние зарубки –
Есть лекарство и от этого недуга:
Ты опять ко мне приходишь в красной юбке –
И опять на нас глазееет вся округа...

Плодородие

В кустах смарагда или под сенью клёна
Блеснёт твой волос, вдруг взлетит рука –
Нет, показалось, просто глаз влюблённый
Запечатлел рождение мотылька.
Верхушки туй кружатся в падегресе,
Томаты диссонируют в ответ
И, сложены на травяном матрасе,
Похожи на скопление планет.
А то внезапно с огненной рябины
Тугие гроздья скатятся в ведро,
Как будто любопытной Колумбине
Прислал привет чувствительный Пьеро...
Иль вот ещё мелькнёт прозрачной тенью
Твой тонкий стан в изгибе экарте –
Садово-танцевальному уменью
День напролёт рукоплескал партер.
Последний акт – пришла пора признаний,
От вздохов к страсти краткий переход,
И полный стол роскошных обещаний,
И терпких, спелых губ запретный плод.
Уснёт рассада, и во всей округе
Лишь мы не станем фонари включать,
Нам нужно многое сказать друг другу
И о гораздо большем промолчать.

Тени в раю

Серые перья хмурых ночных колдуний
В сумерках серых топорщатся и теснятся,
Вниз по тропе, сверкающей в полнолуние,
Тени к протоке спускаются, не таятся.

Кажутся бестелесными, неживыми,
Сходятся, растворяются, расстаются,
Лёгкие, златокудрые херувимы –
Отсвет ночных теней на небесном блюде,
Взглядом всеильным в полдень сожжёт их солнце,
Словно дымок папиросный в лучах курится,
В кронах столетних сосен горят червонцы –
Раньше родные, ныне чужие лица.
Там, на реке, их ждали, качаясь, лодки,
Тени по ним скользили, не нагружая,
Омут найдя, тонули, как в масле ложки,
Сквозь облака проступала земля чужая.
Ищут себя во вселенной, звёзды раздвинув,
К окнам железных грифов прижавшись носами,
Прежде чем стать рекой иль послушной глиной,
Слёзы на полном излёте подскажут сами –
Повремени, мой ангел, отсрочь уход свой,
Там, без меня, одна бесконечная вьюга,
Здесь, без тебя – зияющее сиротство,
Да, мы всего лишь тени, но тени друг друга.
Мир продолжает вращаться, и тени тоже,
Дышит планета, последний срок доживая,
Я, как и тень, возрождаюсь, день подытожив,
Крыльями вровень с тенью твоей сливаясь.

Пастернак и Съезд

Искусству служа, всех мастей и окрасов поэты
Завидуют славе собратьев келейней и строже,
Чем жёнам чужим, чем пайкам и отмене запретов,
Согласно заслугам, а что до не вышедших рожей,
Таким – проработка, донос и с презеньем: «Попутчик!»
Ещё повезло, что в строю, а не в пыль истолчённый,
Дробишь себе глыбы словес на ничтожные кучки
Иль строишь соцлита барак как простой заключённый...
Да здравствует съезд пролетарской, свободной богемы!
Всем розданы роли – от львов до домашних песчанок,
Ещё не изжиты вполне символизма тотемы
И где-то в музеях пылятся остовы тачанок,
Но новые песни придумала жизнь, и Поэту
Учиться пришлось: чтоб таким «пережиткам» за партой
Строчить восхитительный бред в заводские газеты
Про строек размах, по стране пусть поездят плацкартой...
Поэт ошарашен котлом пятилеток кипящим,
Но пишет не то, а своё, между строк, по наитию,
Чрез годы откроет он мысли о том, настоящем,
Немногим надёжным соседям по «общежитию»...

Поэт высочайшим решением в Президиум призван,
Уже не святоша, а русской словесности светоч,
Ещё бы сработаться с... как его... соцреализмом –
И можно напутствовать массы в речах и советах.
Тут группа рабочих, стремясь передать эстафету
(Перо словно штык, но и с молотом сходство заметно),
У сцены толпясь, широко улыбнулась Поэту,
Мол, мы тебя знаем, знакомы по снимкам газетным.
Он съездом смущён и, в реальность победы поверив,
Свой голос негромкий, но твёрдый отдав коммунистам,
Схватил молоток у проходчицы, сил не размерив,
Как тот самовар, что у горничной брал гимназистом...
Гудит его голос: «Не жертвуй лицом ради сана,
Не стоит в подобье болонок волкам превращаться,
Смысл счастья – в труде, в исполнении твёрдого плана,
Быть голосом действенной прозы не нужно стесняться...
Поэзии факта в её первородном упорстве
На наших глазах расцвести суждено неизбежно,
Её сохранить, не испортив в ненужном позёрстве, –
Приняв инструмент у сестры, пронеси его нежно...»
Слова заглушат общий хохот и аплодисменты,
Но смысл через годы познав главной прозы Поэта,
Писатели все, метростроевцы, даже студенты
До самых глубин этой действенной прозой задеты –
«Сквозь ветры свершений, напоенных ядом разлуки,
Как встретиться душам на торных российских дорогах?
Не видно конца непонятной бессмысленной муке,
И чем оправдать эти жертвы Октябрьского рока?» –
И дружно строчат обвиненья поэзии факта.
Пусть эта свора зазря оглушительно лает!
Чтоб книгу закончить, он выжил и после инфаркта,
Теперь же и близкий конец гордеца не пугает.
Придут времена – и в музей, что в квартире Поэта,
Ты в дождь забредёшь ненароком с экскурсией школьной
И выпьешь чайку, самоваром любуясь заветным,
А молот отбойный ржавеет в заброшенной штольне...

Философский пароход

Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно.

Л. Д. Троцкий

Сударь, мистер, товарищ, изволите ещё глоток?
Безнаказанно бродят ветра на расшатанном юте,
И пока не осипнет от слёз пароходный свисток,
Предлагаю продолжить беседу в ближайшей каюте.

От случайной Отчизны осталась полоска земли,
Всё сильнее её сходство со ржавою бритвой монаха,
Множить сущности всуе – что воду толочь в пыли –
Ничего не устроится сверх умножения праха.
Что ж, багаж наш негуст – башмаки, пара старых кальсон,
Впору зависть питать к пассажирам четвёртого класса,
Ни собак, ни зевак – Петроград погружается в сон,
По ночам здесь пирует тупая разбойничья масса...
Пусть на запад нам выписан литер – ногами в восток
Упереться придётся и к койке шарфом пристегнуться,
Отряхнём мир насилья, что цепи с измученных ног,
Раз диктует судьба поутру в новом мире проснуться...
Но и там нет покоя изгоям, настойчив Господь
В своём промысле ветру доверить осколки былого,
И, пока ещё держит тепло окаянная плоть,
Для потомков хранится в умах сокровенное слово.
В этом граде-казарме продолжит свой курс изувер,
Что мечтал разлучить с головой философские выи,
От судьбы и его не спасёт именной револьвер,
И от кары небес не прикроют собой часовые.
А пока сквозь дремоту он видит извечный мотив
(Помнишь, как в Верхоленске ты мучился близкой разгадкой?),
Как задержанный мытарь, с ворами свой хлеб разделив,
В тесном склепе томился, глотая обиду украдкой.
Из оливковой рощи призывно звенел соловей,
И ему в унисон настороженно выли собаки,
Словно глаз Асмодея, сияла луна меж ветвей,
Разливая покров изумрудный в удушливом мраке.
Надвигается полночь, настал третьей стражи черёд,
Но забыть о мытарствах мешают треклятые думы,
Невдомёк бедолаге, за что угодил в переплёт:
Не за то ли, что долг исполнял раздражённо-угрюмо,
Шкуры драл с толстосумов, но часто прощал бедноте,
Не за то ли, что дал свой приют чужестранцу-бродяге,
Меж знакомцев хмельных ему место нашёл в тесноте
И под дождь не пустил, не позволил погибнуть в овраге?
Что твердил этот странник с глазами небесного льна?
Не забыть этот голос, душевно и тихо журчащий, –
Будто есть одна страсть, опьяняющая, как весна,
Не любовь, ей не страшен огонь и разрыв жесточайший...
Что за страсть? Не расслышал, не зная, как переспросить,
Заслужу это знанье, изведав на собственной шкуре,
Сохрани меня, Боже, прости и ещё раз спаси,
Прозябаю в грехах и мечтах о безгрешной натуре.
...Лев, потомок Давида, в тревоге застыл у окна,
Словно из подземелья всё стонет свисток парохода,
Две России отныне и впредь разделяет стена,
Удаляя последнюю мысль ради «рабской» свободы.
Пусть в сорбоннских архивах сгрызают науки кирпич,

Льву маячит Стамбул под присмотром учтивых чекистов –
Словно лодка Харона, баржа под названием «Ильич»
Вслед за мыслью изгонит и души последних марксистов.
Революция – праздник, ей грубый не в масть перманент.
Диктатура ликует, пусть помнится праздничный вечер,
Жаль, отсрочили казнь – ГПУ упустило момент,
В пресловутом отеле «Бристоль» назначавшее встречу.
Не сойтись им в Париже – что жертвам делить с палачом?
И в Берлине не выйти вразрез марширующим ротам.
Неприветлив Мадрид, там свой бунт бьёт кипящим ключом,
Не до диспутов жарких голодным испанским сиротам.
В Койоакане был шанс, но вмешался кремлёвский тиран...
Смысл в жизни твоей, коль она не сгодилась тирану?
Власть сильнее любви – вам докажет любой ветеран,
Что не сгнил в лагерях, завещавший брильянты Гохрану.
Кто-то верит в судьбу, мол, у тайны готовый ответ –
Смерть любовь побеждает, рассудит всех пламень бесовский.
Уплывает в бессмертье, дымя, пароход философский,
И, сжигая в погоне часы, век торопится вслед.

Драматургия

Надежда Колышкина

Потерянная туфелька, или Конец времён

Пьеса в двух частях, написанная в жанре мифологического реализма

Действующие лица:

Зевс – верховный бог Олимпа.

Гера – супруга Зевса, богиня брака и семьи.

Херувим – страж Эдема, охраняющий райские кущи с огненным мечом.

Афродита – богиня любви.

Гермес – сын и вестник Зевса, бог просвещения и торговли.

Арес – сын Зевса и Геры, бог войны.

Гелиос – бог солнца.

Часть 1

Действие происходит на Священной горе, в чертогах Зевса и Геры.

Будуар Геры обставлен со всей роскошью, подобающей супруге верховного бога, однако повсюду заметны следы ночного пиришества. На столе два бокала с рубиновым напитком, в вазе фрукты, на полу валяются перья, будто выданные из хвоста огромной птицы. На белой скатерти поблёскивают, словно капли запёкшейся крови, зёрнышки граната. Богиня брачных уз, простоволосая, в кружевном пеньюаре, бродит, не замечая беспорядка. Подходит к окну, всматривается вдаль. Тишина.

ГЕРА (*раздражённо*). Ну где его носит? Получил простейшее задание – слетать в сад Гесперид за яблоками – и исчез на три дня, будто его послали за три моря. (*Резко задёргив тяжёлую штору, оборачивается на скрип двери.*)

В проёме двери, ведущей в соседнюю комнату, стоит во всей красе Зевс-громовержец.

ЗЕВС (*насмешливо*). Дорогая Гера, тебе пора заняться самообразованием. С географией, вижу, нелады, да и счёт хотя бы до десяти пора освоить. Острова Гесперид не за тремя морями, а на краю самого большого земного океана, ставшего почти несудоходным после гибели Атлантиды. Обернувшись птицей, туда за три дня не долетишь. (*Поднимает с пола перо, рассматривает.*) Кого, кстати, ты туда послала?!

ГЕРА (*надув губки*). Тебе лишь бы меня обидеть! Три дня и три моря – это фигура речи, принятая у людей! (*Продолжает капризно.*) Что до внешности, так ты сам решил, что мне идёт образ белокурой красотки. Будь моя воля – я бы век вороной летала. Или кукушкой. Светло, просторно, и никто за тобой не следит!

ЗЕВС (*несколько смущённо*). Да за тобой и так никто не следит, а может, и следовало бы... (*Присаживается на смятую постель и тут же подскакивает, будто его ужалили. Пошарив рукой, обнаруживает в складках покрывала точно такое же перо, как те, что рассыпаны по полу. Машет пером перед носом жены, вопрошая угрожающе.*) Что за тайные визиты к Гесперидам? Я спрашиваю, кого ты туда послала? И зачем? Это перо не грифа, которым мог бы обернуться наш сын Арес, не ибиса, в образе которого часто летает Гермес...

ГЕРА (*почти истерично*). При чём тут Гермес?!

ЗЕВС. При том, что он мой вестник, и если бы экспедиция к Гесперидам была поручена ему, он бы мне доложил в первую очередь! (*Продолжает с едва сдерживаемой яростью.*) Кто тут своим хвостом тряс?! И запах какой-то странный, горелым тянет!

ГЕРА (*мигом преображаясь в любящую жену*). Ну ты у меня и ревнивец! Да это же перо херувима! Залетал тут один, из Эдема. Хотел с тобой поговорить, да случайно ко мне в окно попал. Говорит, в остальных света не было, одно моё горело! Так перепугался, меня увидев, что от ужаса с него перо посыпалось!

ЗЕВС (*сменив гнев на милость*). Неудивительно. Ночами нормальные боги спят, одна ты колдуешь, как ведьма! А что ты его ко мне не направила? Если дело важное, я бы его и ночью принял.

ГЕРА (*умильно*). Да нет, сущие пустяки. А ты мог спросонья его молнией огреть, вот я и пожалела беднягу, выслушала. Херувим жаловался, что Эдемский сад совсем зарос, одичал, яблони, мол, выродились, а нужные сорта есть только у Гесперид. Ну те, которые от семечка

растут, не утрачивая своих качеств. Долго плёл про размножение саженцами и черенками и почему эти методы не подходят. Ты бы этого не вынес. Я тоже чуть бедолагу не выгнала, но, вовремя вспомнив про значение этого плода в судьбе человечества, пообещала послать Ареса за посадочным материалом.

ЗЕВС (*хохотнув*). Да ты у меня, оказывается, садовод! А Деметра-то и не знает! Вот обрадуется, обнаружив, что обустроить Землю тебе помогает бог войны!

ГЕРА (*сухо*). Для меня Арес прежде всего сын. Как и для тебя, кстати.

ЗЕВС (*равнодушно*). Понятно. (*Берёт со стола бокал, брезгливо нюхает содержимое.*) Как не устроить сыну пирушку перед дальней дорогой! Но ты же не выносишь земных напитков, а тут кровь лозы. С кем он пьянствовал на дорожку?

ГЕРА (*лжливо*). Не поверишь, Вахх залетал с дарами. Мы как раз обсуждали с Аресом детали путешествия. Так этот пьяница стал напрашиваться в попутчики, еле удалось отговорить. Хорошо Арес нашёлся. Говорит, зачем тебе лететь в такую глухомань, там до сих пор драконы правят, и спиртное у них не в чести. Тут я и посоветовала Аресу в попутчики Геракла взять, негоже нашему сыну самому головы драконам рубить. Там, оказывается, какой-то допотопный Ладон всем заправляет!

ЗЕВС (*насмешливо*). Кажется, я ошибся, присвоив тебе титул богини брака и семейных уз. Любые узы рвутся, когда жена, вместо того чтобы котлеты жарить, занимается проектами переустройства земной жизни.

ГЕРА (*обиженно*). Какие такие котлеты?! Я ни одного рецепта земных блюд не знаю... Да и ты этой дряни не ешь!

ЗЕВС. Прости, реминисценция из будущего...

ГЕРА (*истерично*). Ты специально непонятные слова придумываешь, чтобы меня позлить? Я вынуждена земные дела за тебя утрясать, пока ты картинками из будущего балуешься!

ЗЕВС (*иронично*). В твоей спальне, вижу, баловством и не пахнет. Только дрянным вином и чем-то горелым. Почему бы, дорогая Гера, тебе кабинет не оборудовать? Негоже вести деловые переговоры из спальни, да ещё такой неприбранной! Вдруг делегация с дальних островов придёт, с просьбой, чтобы ты пощадила старика Ладона, а тут конь не валялся... Впрочем, кто-то явно валялся... (*Брезгливо отодвигает ногой перо, выплёскивает вино из недопитого бокала на пол. Добавляет сурово.*) Ты мне Ладона не трожь! И чтобы ни одна реликтовая особь от ваших экспериментов не пострадала! Отбор веду я, ну и Деметра, конечно.

ГЕРА (*капризно*). Тебе любой трёхглавый гад, что прозябает на краю мира, ближе родной жены! Как я могу проследить, кому наш сын голову отрубит и где?! Это его прерогатива – порядок наводить! Я и не слышала раньше ни про какого Ладона, зачем мне его наказывать?!

ЗЕВС (*с насмешкой*). Придётся самому заняться просвещением! Ладон, дорогая моя, – мудрейший из драконов, поставленный на власть ещё атлантами в те времена, когда Западные земли принадлежали титану Иапету.

ГЕРА (*с недоумением*). Но ты же сверг титанов, а теперь их ставленников оберегаешь?! Зачем они тебе, когда Атлантида благополучно утонула, а титаны разлетелись кто куда?

ЗЕВС (*хмуря брови*). Продолжить урок?! (*Заметив, что Гера всерьёз обиделась и готова разрыдаться, добавляет более мягко.*) Окраины ойкумены должны соблюдать старый порядок. Стоит там всё разворошить, люди сами будут выбирать себе начальников. Не факт, что новичок справится. В результате пойдёт кровавая карусель земных царей и правителей. Вот тогда и придётся нашему с тобой сыну огнём и мечом усмирять народы.

ГЕРА (*простодушно*). Так он с удовольствием...

ЗЕВС (*с усмешкой*). Что Аресу – удовольствие, народам – гибель! Мне надоело возиться с этими дикарями, восстанавливая их из пепла. Пусть развиваются эволюционным путём! И не сердись. Насчёт самообразования я, конечно, пошутил. Займись лучше обустрой-

ством дома. Назвалась богиней семейного очага – вот и соответствуй, не лезь не в свои сферы! Кстати, об очаге. Горелым откуда-то явно тянет. Вызови златых дев. Пусть приберут, почистят всё.

ГЕРА (*бормочет*). Я богиня брака и семейных уз, а за очаг у нас Гестия отвечает...

Зевс разворачивается и уходит, махнув рукой.

ГЕРА (*вдогонку*). Постой! Херувим вот-вот за яблоками прилетит или за саженцами, не знаю, что там Арес добудет. Его к тебе послать?

ЗЕВС (*останавливаясь в дверях*). Зачем он мне? Ты меня в эти делишки не впутывай. Хватит, намаялись мы в своё время с Эдемским проектом. А нынешняя затея с омоложением сада вообще идиотская. Люди как не были готовы вкушать плод мудрости, так и не вызрели до сих пор. Пусть просо сеют и рыбу ловят. В ней фосфору много, может, поумнеют! Что и Аресу не помешало бы. Да! На помощь своему сынку-задире Гермеса пошли. Постарайся сделать всё аккуратно, чтобы они не рассорились при встрече. Гермес нашего вояку уже раз из плена вытаскивал, кстати, это было близ Атлантиды, а путь на острова Гесперид как раз там проходит. Может, чадо твоё драчливое опять в пещере под присмотром местных разбойников сидит.

ГЕРА (*обиженно*). Арес, между прочим, и твой сын, и характером он – весь в тебя!

Зевс с треском захлопывает дверь, оставив Геру в растерянности.

ГЕРА. Сам бы и посылал своего Гермеса хоть за три моря, хоть за тридевять земель... Откуда мне знать, где твоего вестника носит?!

Подходит к окну, отодвигает плотную штору. От неожиданности отшатывается, увидев тщедушную фигуру херувима, буквально вжавшегося в откос окна. Его крылья плотно прижаты к спине, бледное личико ребёнка-мудреца выражает неподдельный страх.

ХЕРУВИМ (*прижав руки к груди*). Прости великодушно мою дерзость, о госпожа! Я не подслушивал, просто робость одолела. Не то чтобы я молний Зевса боюсь, но верховенство его признаю, как и святость брака, который ты оберегаешь.

ГЕРА (*криво улыбувшись*). Да брось ты! Все эти нелепые ограничения придуманы нами для людей. В прошлый раз я доказала тебе, что боги не так строги, как кажется со стороны. Но насчёт Зевса ты, пожалуй, прав. Вот ведь парадокс! Именно у людей мой супруг позаимствовал самые дурные свои свойства – ревность, грубость, неблагодарность. Не устаю повторять, что боги должны быть выше этого! А вам, херувимам, изначально призванным быть вне людских страстей, и вовсе нечего равняться на низкие земные нравы. Спускайся, мой дружочек! Я посмотрю, удалось ли мне обновить твои крылышки, опалённые огнём! Ты же слышал, я не скрыла от Зевса нашей дружбы и готовности прийти на помощь друг другу.

Спрыгивает с подоконника андрогинное создание, за плечами которого подрагивают белоснежные лебединьи крыла.

ХЕРУВИМ. О да, моя госпожа! И летать после твоего массажа много легче, и от меча, которым мы запираем врата Эдема, крылья теперь не возгораются! Хотя меч по-прежнему даёт сбои, искрит, вместо того чтобы испускать ровное сияние. Шутка ли – столько тысяч лет без ремонта и без замены.

ГЕРА (*с усмешкой поглаживая херувима по крыльям, которые трепещут под её пальцами*). Ну, с починкой оборудования я тебе помочь не могу. Тут надо к Гефесту обращаться или

к умнику нашему Гермесу. Он может всё отрегулировать своим кадуцеем. Кстати, не встречал по дороге этого бездельника? Мне надо его к Аресу в помощники приставить. Да ты, надеюсь, сам слышал...

ХЕРУВИМ. Конечно! Я думаю, бог войны и без помощников справился бы, однако при общении с реликтивными племенами не только смелость, но и хитрость нужна. Они очень подозрительны и земли свои защищают яростней, чем свою жизнь. Любой старый пень, любой замшелый камень может считаться у них святыней. А мы на золотые яблоки покусились... Дочки Атланта и уважаемой нимфы Геспериды берегут их как зеницу ока.

ГЕРА (*с изумлением*). А я считала, что сад охраняет дракон Ладон! Ну, с девицами-то Арес быстро справится, не причинив им никакого вреда. Даже благодарны будут, что оставил им наследников. (*Добавляет горделиво.*) Там, где мой сын со своими воинами пройдет, рождаемость повышается втрое, а то и вчетверо. Статистически доказано! Геката считала. Она ищет недоношенных младенцев и забирает себе, чтобы уберечь их от глумления и насмешек сверстников. Сама настрадалась из-за своей хромоты. Так вот, она просто изумлялась плодовитости Ареса и крепости его потомства. Маркитантки за его войском толпами ходят, во всем воинам угождая! (*Спохватившись, добавляет озабоченно.*) Как бы Арес этих Гесперид сюда не притащил! Увяжутся за освободителем и будут со своими детками мне досажать. Кому охота в саду горбатиться?! Помню, мне Геракла подсунули, когда тот был младенцем, так он своими ручонками чуть грудь мне не оторвал... (*Кокетливо поправляет на груди кружево пеньюара.*)

ХЕРУВИМ (*смущённо*). Честно скажу, в вопросах пола и деторождения я не сведущ, но сдаётся мне, что Геспериды добровольно и с большим старанием за садом ухаживают, поскольку в древние времена это считалось женским делом, а охранником там действительно дракон Ладон. А вот сколько голов в его отряде, сказать затрудняюсь. Драконы, конечно, вымирающий вид, но на дальних островах популяция может быть весьма многочисленной. А посему решение укрепить экспедицию Ареса силами мудреца Гермеса считаю очень разумным.

Гере явно наскучили рассуждения херувима, и она топает ножкой.

Херувим растерянно умолкает, отступая к окну Он испуган и готов улететь. Гера, однако, властно притягивает его к себе.

ГЕРА. Мудрость Гермеса я бы назвала обыкновенной хитростью, однако простаку Аресу, ты прав, полезно иметь такого напарника. Но ума не приложу, где искать этого «мудреца»? Теперь видишь, с кем мне приходится иметь дело?! Сын улетит – и поминай как звали, супруг даст распоряжение – и уверен, что всё исполнится само собой!

ХЕРУВИМ (*молитвенно прижав руки к груди*). Положись на меня, о моя госпожа! Пролетая над Кипром, где дворец Афродиты, я заметил, что вестник Зевса и богиня любви в саду гуляют. Немедленно лечу обратно и, в нарушение всех правил, приземлюсь вне Священной горы и вне пределов Эдема...

ГЕРА (*увлекая херувима вглубь комнаты, к ложу*). К чему такие жертвы, мой друг?! Кто попал в сети Афродиты, быстро не выкарабкается, так что у нас есть время провести ещё один сеанс массажа.

ХЕРУВИМ (*слабо сопротивляется, бормочет*). Мне кажется, это лишнее. Ни одного пёрышка больше не выпало, и огонь их не берёт. Мне не в тягость слетать на Кипр... Заодно о починке меча договорюсь... по твоему совету.

ГЕРА (*твёрдо*). Пустые хлопоты. Гермес тебя не послушается, а моему приказу подчиняются все. И тебе не советую перечить! На Кипр я слетаю сама, всё улажу, обо всем договорюсь. В Эдеме будет новое оборудование, а у Ареса – надёжный помощник.

Херувим перестаёт сопротивляться.

Гера опускается на ложе, держа за руки своего пленника, тот покорно становится на колени, опустив плечи и закрыв глаза, чтобы отдаться ласкам госпожи, которые воспринимает как медицинские процедуры. Однако тело его и душа трепещут, познавая новые, неизвестные раньше чувства.

Гера пробегает пальцами по бледному лицу херувима, которое озаряется сиянием, поглаживает шею, грудь, впадный плоский живот. Плечи херувима расправляются, лебединые крыла трепещут.

ГЕРА (*нежно, но властно*). А теперь присаживайся, дружок, рядом. Чтобы завершить сеанс, мне надо промассировать твою спинку. Да крылья, крылья приподними!

Гдва херувим присаживается на постель, он оказывается в объятиях Геры. Белоснежные крылья закрывают их шатром, из которого доносится стон, больше похожий на мольбу о пощаде.

Часть 2

Действие происходит на Кипре, в саду Афродиты.

Лужайка в саду. Под сенью цветущего куста, на широком ковре пёстрой радужной расцветки лежит, раскинув в неге руки, полураздетая Афродита. На одной ноге поблёскивает золотая туфелька, другая – не обута. Рядом сидит Гермес, также не вполне одетый. Вестнику Зевса приходится много путешествовать в южных широтах, а посему его загорелый торс кажется отлитым из бронзы, оттеняя жемчужную бледность богини любви. Не сводя влюблённого взгляда с подруги, Гермес водит травинкой по её обнажённой груди.

Над головой противно каркает ворона.

Афродита приподнимается, обводит глазами сад, всматривается в жасминовый куст, что осыпает их своими пахучими лепестками. Гермес пытается обнять её, снова склонив на ложе любви.

Афродита отмахивается. Взгляд её тревожен.

АФРОДИТА (*озабоченно*). Погоди, Гермес! Тебе не кажется, что за нами кто-то наблюдает?!

ГЕРМЕС (*со смехом*). Несомненно! В твоём саду полно живности! Пока я нёс тебя на руках, чуть не упал! Кто только не кидался мне под ноги! И зайцы из-под кустов выскакивали, и белки с деревьев сигали, и птицы взлетали. Вот только что ворона пролетела, неодобрительно каркая. Похоже, они все завидуют мне и моему счастью. Любить богиню любви – это ли не высшее из наслаждений?!

АФРОДИТА (*настороженно*). Ворона? Этих крикливых подружек я в сад не звала...

Чутьё не подводит Афродиту. Попечительница брака и семьи, прилетевшая в облике вороны, прячется за кустом, остро завидуя влюблённым. Из серой неприметной птицы она превратилась в строгую даму, плечи которой покрывает тёмная шаль. Белокурые волосы стянуты чёрной лентой.

Гермес снова пытается обнять Афродиту, но взгляд богини строг.

АФРОДИТА (*с недоумением*). А почему тебе пришлось нести меня на руках? Я что-то не припомню, как мы сюда попали, да ещё в таком виде... (*Добавляет со вздохом, но не без кокетства.*) Редко случалось, чтобы вместе с платьем я теряла ещё и голову! Может, ты огрел меня своим кадуцеем, чтобы я была покладистой?

ГЕРМЕС (*смеётся*). И это говорит богиня любви?! Я сам, моя прелесть, пал жертвой твоих чар и, вместо того чтобы лететь к своим жрецам на Нил, где у меня дел непочатый край, застрял в твоём дворце. Ножками, радость моя, ты идти не желала, потому что трава колючая, а ты одну туфельку потеряла у пруда, где мы с утра купались, вот мы и пошли её искать... Пропажу не нашли, зато наткнулись на этот коврик – такой красивый, разноцветный, и решили прилечь отдохнуть.

АФРОДИТА (*поглаживая рукой радужную подстилку*). Это подарок Ириды, она любит такую пестроту, причём умело ею пользуется. Когда надо развеселить людей и повысить рождаемость, разворачивает весь доступный их глазу спектр, вселяя в сердца страсть. Когда надо от людей прятаться, сворачивается в белую ленту.

ГЕРМЕС. Хорошо, что в твоём саду нет людей и прятаться нам не от кого. (*Вновь склоняется к Афродите, нежно целует её в ухо, перебирает жемчужины ожерелья.*)

АФРОДИТА (*уклоняясь от объятий, тянется к кусту, срывает ветку*). Придётся идти домой, прикрывшись веткой жасмина. Впрочем, от его эфиров голова кружится... Может, я поэтому и потеряла временно память...

ГЕРМЕС. А я надеялся, что от моих ласк!

Всё настойчивей ласкает её. Афродита, однако, холодна. Взгляд её тревожен.

АФРОДИТА (*серьёзно*). Негоже валяться среди бела дня, да ещё практически в неглиже.

ГЕРМЕС (*с затаённой обидой*). Ты меня удивляешь, Афродита. Позировала Аполлону, когда тот лепил твою скульптуру, прикрытая одним лишь поясом, а в саду, где никого нет... то есть все свои, вдруг застеснялась!

АФРОДИТА (*деловито*). Ну что не сделаешь ради искусства?! Аполлон убедил меня, что надо дать людям «чистейшей прелести чистейший образец», как он выразился. Я не послушалась бы этого краснбая, но сама считаю, что мы должны служить людям образцом во всём. А они, увы, без наглядных пособий мало что понимают!

Из-за кустов доносится карканье вороны, большие похожее на хриплый смех.

АФРОДИТА (*замахивается веткой, как бы отгоняя назойливую птицу*). И всё-таки меня не покидает ощущение, что кто-то подсматривает за нами. Людей, ты прав, в моём саду не водится, но защита от других существ, не столь безобидных, как звери и птицы, не очень надёжна...

ГЕРМЕС (*озабоченно*). На земле полно завистников, моя дорогая. Если честно, я тоже ловлю на себе чей-то взгляд... Жаль, мой кадуцей у пруда остался, я им придавил твоё платье, чтобы ветром не унесло. Будь кадуцей здесь, я просветил бы им эти кущи, и всё живое, способное навредить мне, превратилось бы в прах.

АФРОДИТА (*обиженно*). А если хотят навредить мне?

ГЕРМЕС (*сжимая Афродиту в объятиях*). Не придирайся к словам, любовь моя. Мы с тобой сейчас – одно целое. Более того, я хочу продлить наше единение в Вечности. Всегда считал продление жизни в наследниках уделом простых людей, но сейчас нестерпимо, всей душой хочу, чтобы ты родила мне сына. А защиту от всякой нечисти я вам поставлю. И сына научу быть тебе защитником!

АФРОДИТА (*кокетливо*). А если дочку?

ГЕРМЕС. Согласен и на дочку, если она будет столь же прекрасна, как ты, но твоя красота неповторима!

АФРОДИТА (*подчиняясь настойчивым ласкам*). Тогда пусть будет мальчик, столь же умный как его отец! (*Добавляет почти деловито.*) За неимением кадуцея укроемся от любопытных взглядов покрывалом Ириды.

Ловким движением Афродита накидывает на себя край радужного покрывала, которое оказывается с изнанки жемчужно-белым.

АФРОДИТА (*со злорадной весёлостью*). Пусть теперь подглядывают и подслушивают! Никто ещё не проник за покров Ириды!

Гермес набрасывает на себя упругую ткань с другой стороны, и пара скрывается под серебристо-белым покровом. Отцветающий жасмин завершает картину, щедро осыпая влюблённых лепестками и делая их убежище похожим на гигантский кокон шелкопряда.

Из-за куста появляется Гера. Прыгающей походкой вороны проходит мимо слегка шевелящегося кокона, готового явить миру новую жизнь.

ГЕРА (*злобно*). Очень мне надо подглядывать да подслушивать. Будто я любовных игрisci не видала! Разрушить ваши планы я и удалённо смогу. Мальчика они родят или девочку! Как бы не так! Уж я постараюсь, чтобы вы родили не мышонка, не лягушку, а неведому зверушку. Хотя... таких химер в мире и так предостаточно, более того, Зевс их успешно истребляет. (*Останавливается, произносит торжественно.*) Силой власти, данной мне как богине брака и семейных уз, заклинаю: пусть дитя явится на свет в древней и вполне узаконенной среди богов форме андрогина... (*Добавляет злорадно.*) Вот только жить-то ему суждено среди людей, а те, забыв о Божественном Первочеловеке, будут бояться двуполых младенцев, обрекая их на жизнь изгоев и страдальцев. А чтобы все помнили об истоке и виновниках их страданий, нареку несчастный плод любви Гермафродитом. (*Удаляясь с чувством глубокого удовлетворения от хорошо выполненной работы, бормочет.*) Пойду поищу туфлю этой гордячки, чтобы закрепить эффект.

Богиня брака и семейных уз стоит на берегу пруда, по лазурной глади которого плавно скользят лебеди (для сцены можно использовать традиционный коврик с лебедями). В руках у неё золотистая туфелька, едва умещающаяся в ладони.

Гера что-то бормочет, сплёвывая в сторону.

Из-за кустов выскакивает воин в походном обмундировании. Забрало шлема опущено, рука на эфесе сабли.

ВОИН (*завидев Геру, поднимает забрало шлема*). Мама, что ты тут делаешь? И вообще, как тебя занесло на Кипр, это же угожья Афродиты!

ГЕРА (*вздрогнув, роняет туфельку*). Ты несносен, Арес! Вместо того чтобы выполнять задание, болтаешься по саду своей бывшей возлюбленной... Да ещё смеешь меня допрашивать!

АРЕС (*сбавив тон*). Мама, я тебя по всей земле ищу! А задание твоё выполнено, то есть почти выполнено... (*Наклоняется, поднимает туфельку*) Мне кажется, это обувь Афродиты. Ты что, с ней подружилась наконец?! (*Не дождавшись ответа, шарит ногой в траве.*) А где вторая?

ГЕРА (*истерично*). Какого идиота я произвела на свет! Брось немедленно эту гадость. Я не знаю, чьи это туфли, скорее всего декоративные или заколдованные. Нормальные богини сандалии носят! И вообще, ноги такого размера нет ни у кого из богинь!

АРЕС (*вытянувшись в струнку, туфельку держит у пояса, как головной убор*). Так точно! Вспомнил! Афродита говорила, что золотые туфельки подарены ей Гелиосом. Возможно, он действительно их заколдовал. Она хвасталась, будто туфли эти непростые: стоит ей их скинуть, они моментально съеживаются, чтобы никто не смог даже примерить обувь богини любви.

ГЕРА (*презрительно*). Продолжаешь в сказочки верить?! В небылицы, которые плетёт тебе бывшая любовница! Афродита, между прочим, давно уже брата твоего, Гермеса, обхаживает, а ты всё надеешься её вернуть?

АРЕС (*вспыхнув, бросает туфельку в кусты*). И не думаю даже... Я же сказал... я тебя ищу... чтобы доложить о заморском походе.

ГЕРА (*сурово*). Я не доклада жду, а яблок... на худой конец – саженцев. Где они?!

АРЕС (*растерянно*). Как где? В саду Гесперид. Ты же сама меня туда посылала!

ГЕРА (*теряя терпение, шипит угрожающе*). И что же помешало тебе туда слетать?!

АРЕС (*переходя в наступление*). Не что, а кто! Любимчик папаши Геракл помешал! Зарекался брать его в напарники, но вы с отцом так упорно его всем навязываете...

ГЕРА. Ты совсем дурак? Назвать смертного человека напарником?! Ты ещё партнёром его назови. Взяли моду любого раба, любого лизоблюда, который крохи с твоего стола подбирает, партнёром величать! Допрыгаетесь, сами попадёте к ним в зависимость, оглянуться не успеете, как эти «партнёры» будут вами помыкать!

АРЕС (*растерянно*). Зачем же ты его ко мне приставила?

ГЕРА. Затем, чтобы он за тебя грязную работу делал! Ты сам, что ли, собирался драконам головы рубить?! Как бог войны ты должен решать стратегические задачи – миграционные потоки направлять, численность людских стад регулировать, а людишки пускай себя сами истребляют, заодно от устарелых форм жизни избавляясь. Кстати, именно эту работу Зевс поручает своим сынкам от смертных. Надеюсь, Геракл дубиной своей вволю намахается, очистив бывшие земли Атланта от всякого старья!

АРЕС (*удовлетворённо*). Ну, тогда всё правильно! Геракл получил от меня надлежащие инструкции, а яблоки обязался привезти в зачёт искупительных подвигов! У него этих подвигов ещё пять или шесть осталось. Говорит, дядюшка его, Эврисфей, через которого ему приказы отдают, большой хитрован. Заставит конюшни у своего приятеля чистить, а потом работу не засчитывает, мол, какой это подвиг – говно лошадиное выгребать. Вот он со счёту и сбился.

ГЕРА (*язвительно*). А ты этого болвана пожалей! Ты не подумал, что он может нарвать жёлтых яблок в любом микенском саду и выдать их за золотые? Почему сам уклонился от экспедиции?! За смертными глаз да глаз нужен!

АРЕС (*уверенно*). Не, этот не обманет, слишком простоват! А что глаз да глаз нужен – тут ты права. Не успел я его на часок оставить – пошёл насчёт корабля договариваться, – он умудрился ладью Гелиоса спереть. Ну не плыть же мне на ворованном транспортном средстве, да ещё в компании с простым бандитом?!

ГЕРА (*тяжело вздохнув*). Простоват, к сожалению, у меня ты! Приказал бы вернуть ладью со всеми извинениями, а Геракла наказал примерно. Ты же, получается, поощрил его за воровство. Теперь у Геракла руки развязаны: плыви куда хочешь, кради что хочешь, а тебе придётся объясняться с богом солнца, который отнюдь не простак и не хитрован.

Арес стоит понуро, слушая выговор, а Гера продолжает с напором.

Ты забыл, что Гелиос нам родня через Крона и Рею? Это тебе не дядюшка из Микен! Запросто испепелить может, что и подтверждал, причём не раз!

АРЕС (*бормочет*). Ты же знаешь, я не люблю историю!

ГЕРА (*безнадёжно махнув рукой*). Зато любишь попадать в истории! Ладно, Гелиоса я беру на себя. Верну ему туфли, которые выбросила эта гордячка Афродита, заодно извинюсь за своего непутёвого сына. Ну, что стоишь, лезь в кусты, ищи! Постарайся найти и вторую! Хотя... вторая вроде была на Афродите... Неважно, ищи ту, которую ты сам выкинул! Нельзя так неуважительно обращаться с подарком бога (*воздев руки к небу, умильно, но не очень искренне добавляет*), благодатный свет которого согревает всё живое на вверенной нам планете.

Арес топчется рядом, явно не желая исполнять унижительный приказ.

АРЕС (*просительно*). Мам, не злись, но я искал тебя, чтобы о деле поговорить... Я сам понимаю, моё дело – ратные подвиги, но для войны повод нужен. Пока я летел с Атлантики, картина мира предстала во всём её безобразии. Ни одной войны стоящей, ни одного серьёзного пожара, да и миграционные потоки, что радовали глаз после гибели Атлантиды, практически иссякли. Кстати, зря мы увековечили имя Атланта, сохранив за ошмётками того, что осталось от утопшей Атлантиды, его имя...

ГЕРА (*с насмешкой*). Так ты у меня ещё и географ! Ну, с этими вопросами – к Гее и к Океану. Захотят – переименуют! На худой конец – к Мнемозине, она за память людскую отвечает. А мне-то какое до этого дело?!

АРЕС (*горячится*). Самое прямое! Пора брать бразды правления! (*Всё больше вдохновляясь*.) Земля прозябает! Куда ни глянь – кругом полный застой! Каждый народишка уцепился за свой клочок суши и сидит, ни о чём грандиозном не мечтая: ни о захвате чужих земель, ни о переделе сфер влияния...

ГЕРА (*презрительно*). Твоя манера уклоняться от заданий, заговаривая зубы, известна мне с детства. Немедленно лезь в кусты и ищи этот поганый башмак, чтобы у меня был повод поговорить с Гелиосом. Мне надоело твои прожекты слушать!

АРЕС (*умоляюще*). Мам, не выставляй меня на посмешище и сама не позорься. Зачем Гелиосу какая-то ношенная туфля? Причём одна!

ГЕРА (*уже не так напористо*). Гелиос не возьмёт – сама начну этим башмачком пользоваться, проверяя невест, которые претендуют на браки с принцами.

АРЕС (*с отчаянием*). Меня ругаешь за доверчивость, а сама веришь в какие-то сказочные сюжеты. Умоляю, выслушай меня! Всё, что я придумал, – в твоих интересах.

ГЕРА (*сухо*). Излагай, да покороче. Мне некогда.

АРЕС (*скороговоркой*). Перво-наперво мне пришла в голову мысль переименовать острова Гесперид в Героиды, в твою честь. Но поскольку я туда не попал, всю дорогу потом прикидывал, что ещё можно было бы передать в твоё ведение. И решил, что практически всё! Ну что тебе сидеть на Священной горе, в тени Зевса? (*Понизив голос*.) При всём уважении к отцу, скажу со всей откровенностью, что это при его попустительстве народы захирели и одичали, утратили мечту и образ будущего. А ты, мамочка, всегда говорила, что прихорашиваешься перед зеркалом, чтобы быть для людей образцом, как Афродита.

ГЕРА (*тихо, но злобно*). Ты всё-таки определись, сынок, кто для тебя образец – я или Афродита?

АРЕС (*со всей страстностью*). Ну конечно, ты, мамочка! Афродита – это так, к слову пришлось! Ты для меня истинный образец и образ будущего. Но этого мало! Ты должна стать таковой для всех людей! Вот у меня и вызрел план, как распространить твоё влияние на земли, ставшие после падения Атлантиды практически бесхозными. Уничтожение местных правителей – всех этих допотопных созданий – я беру на себя!

ГЕРА (*заинтересованно*). Ты у меня, конечно, пустобрех, но иногда и дело говоришь. А много ли земель от Атлантиды осталось? Ведь я в тех краях не бывала с тех пор, как Гермес тебя из плена вытащил. Помню, прилетела тебя встречать, так ты даже расплакался. Такой был

чувствительный, по сути, ещё ребенок, а эти дикари год продержали тебя в какой-то пещере. Понимаю твоё желание отомстить за то унижение.

АРЕС (*вспыхнув*). Ну что ты, мама! Я про тот инцидент почти забыл. Да и пещера была вполне комфортабельной, а нимфы, что приносили мне еду, довольно покладистыми. А разбойников мы с Гермесом примерно наказали. Так что кому там мстить?! Я ж говорю, людишки утратили всякую витальность, не живут, а прозябают. Я облетел все острова, выискивая ту пещеру, но и на миг желания не возникло приземлиться, побродить по местам, так сказать, боевой славы.

ГЕРА (*с усмешкой*). И эти заброшенные острова ты предлагаешь мне во владение?

АРЕС (*поспешно*). Нет-нет, мамочка! Мой проект носит глобальный характер! Наследство утопшей Атлантиды мы получим без лишних усилий, прельстив туземцев всевозможными льготами и посулами, обещанием взять самых преданных на Олимп, а когда Атлантику освоим, на земли Та-Кемет замахнёмся. Осирис, говорят, совсем от дел отошёл, укрывшись от земных забот на Островах блаженных. Исида и раньше людей своим вниманием не баловала, а малахольный их сынок Гор с Гермесом давно сдружился. Гермес местным жрецам науки какие-то преподаёт! Вот через них мы и получим контроль над землями и народами Нила... (*Увлечись, добавляет.*) А там, глядишь, и Острова блаженных у Осириса оттяпаем!

ГЕРА (*поёживаясь, отступает назад*). Что-то ты разошёлся, дружок! Ты же знаешь, меня не влечёт загробный мир! Шёл бы ты со своими идеями к дядюшке своему Аиду, куда, кстати, отец не раз грозился тебя отправить! А будь моя воля, я бы всех смертных сыновей Зевса к Аиду отправила, пусть перевоспитывает бандитов и уродов. Но тебе-то эти миры зачем?!

АРЕС (*обиженно*). Ну вот, всегда так. Прерываешь, не дослушав, а идея куда глубже, чем простое перевоспитание тех, кто набедокурил при земной жизни. Я о живых пекусь! У Осириса, впрочем, как и у Аида, полно тех, кто геройски пал на полях сражений. Я хочу на примере их героических судеб поднимать боевой дух ныне живущих поколений. Говорю, народ нынче выродился, измелчал, утратил интерес к войне, стимул к захвату новых земель и пространств. Негоже это!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.